

Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности

Лю Хаовэнь

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *a635657978@gmail.com

РЕФЕРАТ

Целью статьи является анализ реализации многосторонней дипломатической политики в области обеспечения безопасности действующим главой Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Для достижения поставленной цели в статье использован метод контент-анализа публичных выступлений лидера китайского государства с последующим обобщением и индуктивным анализом основных направлений реализации современной внешней политики Китая. В статье рассмотрены актуальные направления внешнеполитической стратегии главы Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, позволяющие обеспечивать достижение национальных интересов государства в области глобальной безопасности. Рассмотрены основные векторы многосторонней дипломатии современного Китая и его позиционирование в мировом сообществе как государства-лидера. Отмечается роль Китая в вопросах безопасности и миротворческих миссиях ООН. Результатом анализа стали обозначенные в статье векторы внешней политики Китая по обеспечению глобальной безопасности и развитию многосторонних дипломатических связей с позиций главы китайского государства Си Цзиньпина. Сделаны выводы о соответствии основного внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина ценностям мирного развития, и его ориентированности на позиции многосторонности, сотрудничества и взаимовыгодных отношений Китая в глобальном масштабе.

Ключевые слова: внешняя политика, суверенитет, национальные интересы, Китай

Для цитирования: Лю Хаовэнь. Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 183–190.

Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Security Diplomacy

Liu Haowen

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *a635657978@gmail.com

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the implementation of the multilateral diplomatic policy in the field of security by the current head of the People's Republic of China, Xi Jinping. To achieve this goal, the article uses the method of content analysis of the public speeches of the leader of the Chinese state, followed by a generalization and inductive analysis of the main directions of the implementation of China's modern foreign policy. The article discusses the current directions of the foreign policy strategy of the head of the People's Republic of China, Xi Jinping, which allows to ensure the achievement of the state's national interests in the field of global security. The main vectors of multilateral diplomacy of modern China and its positioning in the world community as a leading state are considered. The role of China in security issues and UN peacekeeping missions is noted. The analysis resulted in the vectors of China's foreign policy outlined in the article to ensure global security and develop multilateral diplomatic ties from the standpoint of Chinese President Xi Jinping. Conclusions are drawn about the correspondence of the main foreign policy discourse of Xi Jinping to the values of peaceful development, and its focus on the positions of multilateralism, cooperation and mutually beneficial relations of China on a global scale.

Keywords: foreign policy, sovereignty, national interests, China

For citing: Liu Haowen. Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Security Diplomacy // Administrative consulting. 2022. No. 10. P. 183–190.

Введение

Перед современным Китаем стоят многообразные задачи конструктивного позиционирования государства на международной арене. Китайские оценки многосторонности дипломатии и внешней политики эволюционировали вместе с восприятием меняющегося мирового порядка. Исследования порядка после холодной войны выявляют долгосрочный сдвиг к «многополярности» и постоянной угрозе «гегемонизма» с растущим акцентом на суверенитет и невмешательство во внутренние дела. Многополярный переход обычно связывают с предполагаемыми изменениями в позиционировании США в 1990-е годы как единственной сверхдержавы. Нынешний переход к более плюралистическому миру «инклюзивной многосторонности» указывает на многополярную структуру власти, многоуровневые институциональные механизмы и многомерные идеи. Действующее руководство Китая обращается к политике многосторонней дипломатии для разрешения актуальных вопросов своей внешней политики, среди которых центральное место занимает проблема безопасности.

Материалы и методы

Теоретической основой для реконструкции политической стратегии Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности являются публичные выступления китайского лидера, а также опубликованные материалы аналитической направленности, в которых производится исследование внешней политики современного Китая. Для достижения цели статьи использован метод контент-анализа публичных выступлений лидера китайского государства с последующим обобщением и индуктивным анализом основных направлений реализации современной внешней политики Китая. Основные направления внешнеполитического курса Си Цзиньпина рассмотрены в литературе как в контексте выстраивания отношений с западными партнерами [5; 6; 7], так и в отношении государств Азиатско-Тихоокеанского региона [22], с учетом актуальных тенденций современного технологического развития [23].

Результаты

Альтернативному биполярному порядку «один мир, две системы» не хватает материальных и институциональных условий для его формирования, а также поддержки США и Китая. Уже в 2021 г. многосторонность стала главной темой выступления Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ). Обращаясь к глобальным проблемам после пандемии, Си Цзиньпин настаивал на том, что многосторонность не должна использоваться в качестве предлога для односторонних действий, а различия в истории, культуре и социальной системе не должны быть оправданием для антагонизма или конфронтации, а скорее стимулом для сотрудничества [18].

Два события в мировой экономике в 2020 г. определяют текущие дебаты о внешней политике Китая: глобальная торговая война США за сохранение экономической гегемонии при отказе от многосторонности и пандемия COVID-19 [1, с. 49]. Как крупнейший глобальный шок в области безопасности за столетие COVID-19 катали-

зировал долгосрочные изменения в международных стратегических отношениях и глобальном лидерстве США, поместив многосторонность и глобальное управление в новые условия. В условиях двойного воздействия глобальных кризисов в области здравоохранения и экономики реформа международного порядка стала неизбежной. Китай сегодня превратился в крупнейшую стабилизирующую силу, взяв на себя такие обязательства в соответствии со своими возможностями. Нынешняя неопределенность усиливает вопрос о том, будет ли преобладать дипломатическая односторонность или многосторонность. Выступления Си Цзиньпина на ВЭФ в прошлом году в поддержку многосторонности усилили внутренние дебаты о стратегической ориентации Китая, идеологических и практических аспектах реформы глобального управления и изменении регионального порядка в Восточной Азии [3, с. 35].

В случае Китая его явные преимущества и ограничения требуют создания централизованных многосторонних дипломатических сетей в развивающихся регионах и эффективного экономического цикла внутренних и внешних связей, как в настоящее время воплощает инициатива Си Цзиньпина «Пояс и путь» (BRI) [9].

По оценкам китайских аналитиков обеспечение национальной безопасности Китая требует противостояния «западной правовой гегемонии» и «колониалистскому правовому менталитету» в пользу социалистического права с китайскими особенностями. С культурной точки зрения, способствуя распространению индивидуальных ценностей и упадку социальной справедливости, капитализм порождает беспорядок в форме гегемонизма великих держав [20, с. 10].

Как отметил Си Цзиньпин в Давосе, для предотвращения такого сценария требуется глобальная система управления, фундаментом которой должна стать ООН, основанная на правилах и консенсусе, достигнутых между нами, а не на приказе одного или нескольких. По мнению китайского руководства, США неоднократно вмешиваются во внутренние дела других стран. Такое поведение показывает, что Вашингтон руководствуется желанием сохранить свою глобальную гегемонию и интересы и осуществлять свою политику «Америка прежде всего» [4, с. 622].

Неуместность отношений в стиле холодной войны наиболее заметна в китайском видении меняющегося регионального порядка. Трансформация Восточной Азии из системы альянсов США в «мультиузловую» транспортную и экономическую систему породила структурное несоответствие между моделью дипломатического господства США и многосторонней ориентацией региона. Растущая неэффективность системы североатлантического союза в реагировании на угрозы региональной безопасности подчеркивает необходимость восстановления азиатского порядка в соответствии с этим многополярным сдвигом [10, с. 157].

Рост дипломатической многовекторности наиболее очевиден в экономической сфере, где торговый протекционизм и COVID-19 ускорили подписание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (RCEP) в ноябре 2020 г. Как утверждали китайские лидеры, соглашение о свободной торговле стало крупнейшей «победой многосторонности» и региональной экономической интеграции с 1990-х гг., а также важным открытием для продвижения внутренних реформ Китая и модели глобального развития.

В своей последней речи в Давосе Си Цзиньпин был склонен обличать недобросовестность торговых войн и политику противостояния великих держав [24]. Реальное намерение, по-видимому, состоит в том, чтобы предотвратить продолжение такой конфронтации со стороны администрации Дж. Байдена. Китай уже стал второй по величине экономикой в мире. Феномен подъема Китая подтверждает успех политики открытости.

Идеалистическое видение Си Цзиньпином глобальной роли Китая вносит коррективы в общую стратегию Китая в целом. Это можно рассматривать как третью крупную корректировку в большой стратегии после Мао и Дэна Сяопина, которая

оставляет позади осторожную и сдержанную дипломатию. Чтобы понять, что Китай хочет делать со своим богатством и властью, исследователи должны объяснить, как Пекин видит мир и какую роль он отводит новому международному порядку [11, с. 1508].

Понятие «великая стратегия» может обеспечить концептуальную основу для обсуждения глобальной роли Китая. Большая часть дебатов вокруг великой стратегии Китая развернулась вокруг двух вопросов. Во-первых, траектория роста возможностей и влияния Китая в мировой политике, а во-вторых, различные сценарии, которые могут возникнуть в ответ со стороны других государств, особенно США. Современная наука в оценках внешней политики Китая в основном разделена на два подхода: либо в целом пассивно-мирный, либо напористый и несколько агрессивный. Эти противоречивые точки зрения дают четкое представление о концептуальных рамках, окружающих внешнеполитическую стратегию Китая, в то же время объясняя, чего действительно хочет достичь Китай и как другие государства должны выработать свое восприятие в ответ [15, с. 177].

В соответствии с твердой приверженностью китайского официального дискурса о «сотрудничестве в области мирного развития», первый подход рассматривает генеральную стратегию Китая как мирную, прагматичную, ориентированную на развитие линию. Впечатляющие достижения в области развития, которые позволяют стать второй по величине экономикой в мире, заставляют Пекин брать на себя роль защитника глобализации, многосторонности и глобального роста в последующие десятилетия. Это всеобъемлющее видение охватывает не только самопровозглашенную роль в глобальной системе, но и восприятие другими этих достижений во всех областях [21, с. 150].

Таким образом, основа видения Си Цзиньпина, как и у его предшественников, состоит в том, чтобы убедить остальные государства в отсутствии угрозы их интересам. Экономический и военный потенциал Китая отныне не угрожает тому, что международные отношения должны строиться на основе взаимного уважения, принципе невмешательства во внутренние дела суверенных государств, обеспечения международного порядка, основанного на международном праве и нормах, взаимовыгодного сотрудничества без конфликтов или конфронтации [25].

В этих рамках политика многосторонней дипломатии достигала своих целей посредством более инклюзивных партнерских отношений, таких как инициатива «Пояс и путь» (BRI) или создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [8, с. 68]. Политико-экономические обстоятельства развития системы международной безопасности позволяют возлагать большие надежды на то, что Китай оставит позади любую ревизионистскую повестку дня, чтобы стать державой, интегрированной в международное сообщество. Основные изменения в общей стратегии с ее приоритетами, сосредоточенными на социальном процветании и экономическом развитии, начинаются с премьерства Дэн Сяопина. В отличие от грандиозных планов Мао, основанных на идеологических установках Культурной революции, политику Дэн Сяопина можно обозначить понятием «социализм с китайскими особенностями», а также обнаружить в политике реформ и открытости для первых шагов экономической интеграции с миром, в его осторожной позиции в сохранении сдержанности, обычно упоминаемой в изречении «скрывай свои возможности и выжидай» [16, с. 165].

Основные тезисы Си Цзиньпина о китайской дипломатии можно суммировать следующим образом.

Во-первых, Китай хочет, чтобы международные отношения имели «китайские особенности». По мнению Си Цзиньпина и других китайских комментаторов, это означает мир справедливости и равенства между государствами, без военных союзов или гегемона (доминирующей и властной державы), и в котором экономиче-

ское сотрудничество является взаимовыгодным. Это включает в себя замену традиционного западного мышления, которое оправдывает реальную политику, эксплуатацию великими державами и восприятие международных отношений как игры с нулевой суммой [12, с. 248].

Во-вторых, Китай должен играть большую руководящую роль (а Соединенные Штаты — меньшую) в международных делах, как для того, чтобы сделать международную систему более справедливой, так и для обеспечения учета предпочтений Китая. Наконец, и это связано с тем, что внешняя политика Китая должна защищать суверенитет, безопасность и интересы развития страны. Китай утверждает, что бросает вызов историческому образцу сильной страны, стремящейся доминировать в своем регионе или мире [17, с. 78].

Выступления Си Цзиньпина о дипломатии обозначают тезис о «взаимном невмешательстве во внутренние дела». Мысль Си Цзиньпина ясно дает понять, что безопасность режима, по крайней мере, так же важна, как и территориальная безопасность. Китай решительно выступает против любых слов и действий, направленных на раскол Китая, ослабление правящего статуса КПК или изменение его строя с учетом китайских особенностей [19, с. 167]. Главной целью которой является сохранение постоянного и неоспоримого правящего режима Китая.

С одной стороны, Си Цзиньпин подтверждает, что Китай будет бескомпромиссно настаивать на том, чтобы мир учитывал интересы суверенитета, безопасности и развития Китая. Китайское правительство склонно широко определять «безопасность» и что интересы развития, по-видимому, включают доступ Китая к важным ресурсам, таким как продовольствие, вода и энергия. Суверенитет, конечно, означает, что Китай добивается своего в территориальных спорах. С другой стороны, Си Цзиньпин считает, что Китай поддерживает справедливость, равенство и отказ от запугивания в международных отношениях [2].

Си Цзиньпин возглавляет многосторонние инициативы, способствующие свободной торговле и развитию связей в регионе, включая Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, инициативу «Один пояс и один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Кроме того, Китай значительно увеличил свои прямые иностранные инвестиции во многие соседние страны и предлагает им значительные объемы финансирования по двусторонним каналам. В Юго-Восточной Азии это не только сейчас выливается в существенное влияние в приграничных странах (которые относительно малы и менее развиты, такие как Лаос и Камбоджа), но и с конца 2016 г. такое влияние распространилось на страны, традиционно близкие к США, такие как Филиппины, Малайзия и Таиланд, и даже совсем недавно Сингапур (который в конце июня достиг соглашения с Китаем об углублении их сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь», наряду с уровнем экономической интеграции, как в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле, так и в рамках Регионального всеобъемлющего экономического партнерства) [13].

Еще одним примером активной многосторонней дипломатии Китая является Совет Безопасности ООН. Среди пяти постоянных членов СБ ООН право вето Китая является самым низким, но эта ситуация, похоже, меняется. Первое вето Китая было наложено правительством РПЦ в 1965 г., и КНР дважды воспользовалась правом вето в 1972 г., дважды в 1990-х гг. (1997 и 1999), дважды в первом десятилетии XXI в. (2007 и 2008). Тем не менее это число увеличилось до шести раз (2011, 2012, 2012, 2014, 2016 и 2017) за последнее десятилетие — все по сирийскому вопросу. Это показывает, что Китай больше не колебался в применении своего права вето, указывая на то, что более уверенный в себе Китай более готов оказывать свое влияние в системе ООН [14].

Китай, с другой стороны, подчеркивает принципы равенства всех наций, ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга, которые закреплены

в Уставе ООН, не отказываясь при этом от ценностей, основанных на праве личности. Китай очень высоко отзывался о демократии, но с акцентом на демократизацию международных отношений, что означает, что международные дела должны решаться путем широких консультаций, а не решаться одной страной или несколькими, и каждая страна должна иметь право голоса в международных делах, независимо от ее размера, власти и богатства.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина направлена на комплексное усиление позиций Китая в мировом сообществе. Поддержание глобальной безопасности сочетается во внешнеполитической линии Китая с последовательным достижением национальных целей развития государства и обеспечением суверенитета и экономического процветания страны.

Литература

1. *Бирюков С. В.* Российский «Разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе // *История и современное мировоззрение.* 2021. Т. 3. № 1. С. 47–53.
2. *Вонгтаван Н.* Си Цзиньпин: современные политические стратегии // *Теории и проблемы политических исследований.* 2019. Т. 8. № 5А. С. 173–180.
3. *Грачиков Е. Н.* Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // *Мировая экономика и международные отношения.* 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41.
4. *Ипин С.* Особенности многосторонней дипломатии Китая в рамках БРИКС // *Вопросы истории.* 2021. № 5–1. С. 77–87.
5. *Лузянин С. Г.* Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2021. Т. 51. № 8. С. 75–80.
6. *Миланович Б.* Сможет ли Си Цзиньпин победить три укоренившихся современных неравенства? // *Мир перемен.* 2021. № 4. С. 138–141.
7. *Смирнов В. В.* Россия в экономическом контексте Китая, США, Германии и Индии // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2022. Т. 18. № 1 (406). С. 150–176.
8. *Торшин М. П.* Особенности публичной дипломатии Китайской Народной Республики в контексте постафганских событий // *Дипломатическая служба.* 2022. № 1. С. 67–77.
9. *Тушков А. А., Федоренко У. В.* Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 3 (67). С. 819–825.
10. *Упир И. Р.* Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» // *Вопросы элитологии.* 2020. Т. 1. № 3. С. 167–172.
11. *Хотулев А. С.* Цифровая дипломатия США, России и Китая в глобальном измерении // *Информационные войны.* 2021. № 2 (58). С. 6–12.
12. *Юй Х.* Мягкая сила в политике КНР в азиатско-тихоокеанском регионе // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 5 (69). С. 1506–1511.
13. *Яньбинь У.* Развитие и особенности военной дипломатии КНР после реформы и открытости // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 247–252.
14. *Alicia C.* Transforming Mongolia-Russia-China relations: The Dushanbe trilateral summit // *The Asia-Pacific Journal.* 2014. № 12 (45). С. 1–8.
15. *Courmont B.* Promoting Multilateralism or Searching for a New Hegemony: A Chinese Vision of Multipolarity // *Pacific Focus.* 2012. № 27–2. С. 184–204.
16. *Foot R.* China's Rise and US Hegemony: Renegotiating Hegemonic Order in East Asia? // *International Politics.* 2020. № 57. С. 150–165.
17. *Goh E.* Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies.* 2019. № 28. С. 614–644.
18. *Jinping X.* Let the Torch of Multilateralism Light Up Humanity's Way Forward // *World Economic Forum.* Davos, January 25, 2021.

19. *Kastner S.* China and Global Governance: Opportunistic Multilateralism // *Global Policy*. 2020. № 11–1. С. 164–169.
20. *Kohli H.* Looking at China's Belt and Road Initiative from the Central Asian Perspective // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2018. № 9 (1–3). С. 3–11.
21. *Liang W.* New Ideas of the Reform in the View of Globalization: Shanghai Pilot Free Trade Zone and one Belt and one Road // *open Journal of Social Sciences*. 2015. № 2–3 (12). С. 149–155.
22. *Loke B.* The United States, China, and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia // *International Studies Review*. 2021. № 4. С. 36–39.
23. *Qingqing C.* US Turning G7 Into Anti-China, Anti-Russia Chorus 'Wishful Thinking' // *Global Times*. № 2. June 6. 2021. С. 61–69.
24. *Weitz R.* Averting a New Great Game in Central Asia // *The Washington Quarterly*. 2006. № 29:3. С. 155–167.
25. 中国共产党第十七届中央委员会第六次全体会议公报. 中央政府门户网站 来源: 新华社 // 中华人民共和国国务院公报 (2011年第28号).
26. 习近平主席在博鳌亚洲论坛2015年年会上的主旨演讲(全文) // 中华人民共和国国务院公报 (2015年第15号).

Об авторе:

Лю Хаовэнь, аспирант кафедры «Высшая школа международных отношений» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a635657978@gmail.com

References

1. Biryukov S.V. Russian "Pivot to Asia" and prospects for multilateral cooperation in the Asia-Pacific region // *History and modern outlook [Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie]*. 2021. Vol. 3. N 1. P. 47–53 (in Rus).
2. Wongtavan N. Xi Jinping: modern political strategies // *Theories and problems of political research [Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy]*. 2019. Vol. 8. N 5A. P. 173–180 (in Rus).
3. Grachikov E. N. Diplomacy of the PRC: the context of academic discourse // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2021. Vol. 65. N 3. P. 33–41 (in Rus).
4. Yiping S. Features of China's multilateral diplomacy within the framework of BRICS // *Questions of history [Voprosy istorii]*. 2021. N 5–1. P. 77–87 (in Rus).
5. Luzyanin S. G. Sino-American relations after D. Trump: assessments, approaches, prospects // *USA and Canada: economics, politics, culture [SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura]*. 2021. Vol. 51. N 8. P. 75–80 (in Rus).
6. Milanovich B. Will Xi Jinping be able to overcome the three entrenched modern inequalities? // *World of change [Mir peremen]*. 2021. N 4. P. 138–141 (in Rus).
7. Smirnov V.V. Russia in the economic context of China, USA, Germany and India // *National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']*. 2022. Vol. 18. N 1 (406). P. 150–176 (in Rus).
8. Torshin MP Features of public diplomacy of the People's Republic of China in the context of post-Afghan events // *Diplomatic Service [Diplomaticheskaya sluzhba]*. 2022. N 1. P. 67–77 (in Rus).
9. Tushkov A.A., Fedorenko U.V. China's Peripheral Diplomacy as a Driver for the Concept of "Community with a Common Destiny of Mankind" // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 3 (67). P. 819–825 (in Rus).
10. Upir I. R. Features of political leadership in China: the first part of the series of books "Xi Jinping on public administration" // *Issues of elitology [Voprosy elitologii]*. 2020. Vol. 1. N 3. P. 167–172 (in Rus).
11. Khotulev A. S. Digital diplomacy of the USA, Russia and China in the global dimension // *Information wars [Informatsionnye voyny]*. 2021. N 2 (58). P. 6–12 (in Rus).
12. Yu H. Soft power in China's policy in the Asia-Pacific region // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 5 (69). P. 1506–1511 (in Rus).
13. Yanbin W. Development and features of military diplomacy of the PRC after the reform and openness // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 1 (65). P. 247–252 (in Rus).

14. Alicia C. Transforming Mongolia-Russia-China relations: The Dushanbe trilateral summit // *The Asia-Pacific Journal*. 2014. N 12 (45). P. 1–8.
15. Courmont B. Promoting Multilateralism or Searching for a New Hegemony: A Chinese Vision of Multipolarity // *Pacific Focus*. 2012. N 27–2. P. 184–204.
16. Foot R. China's Rise and US Hegemony: Renegotiating Hegemonic Order in East Asia? // *International Politics*. 2020. N 57. P. 150–165.
17. Goh E. Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies*. 2019. N 28. P. 614–644.
18. Jinping X. Let the Torch of Multilateralism Light Up Humanity's Way Forward // *World Economic Forum*. Davos, January 25, 2021.
19. Kastner S. China and Global Governance: Opportunistic Multilateralism // *Global Policy*. 2020. N 11–1. P. 164–169.
20. Kohli H. Looking at China's Belt and Road Initiative from the Central Asian Perspective // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2018. N 9 (1–3). P. 3–11.
21. Liang W. New Ideas of the Reform in the View of Globalization: Shanghai Pilot Free Trade Zone and one Belt and one Road // *open Journal of Social Sciences*. 2015. N 2–3 (12). P. 149–155.
22. Loke B. The United States, China, and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia // *International Studies Review*. 2021. N 4. P. 36–39.
23. Qingqing C. US Turning G7 Into Anti-China, Anti-Russia Chorus 'Wishful Thinking' // *Global Times*. N 2. June 6, 2021. P. 61–69.
24. Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia // *The Washington Quarterly*. 2006. N 29:3. P. 155–167.
25. Communiqué of the 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the Communist Party of China. Central Government Portal Source: Xinhua News Agency // *Bulletin of the State Council of the People's Republic of China* (2011 N 28) (in Chinese).
26. President Xi Jinping's keynote speech at the Boao Forum for Asia Annual Conference 2015 (full text) // *Communiqué of the State Council of the People's Republic of China* (2015 N 15) (in Chinese).

About the author:

Liu Haowen, Postgraduate Student of the Higher School of International Relations of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation); a635657978@gmail.com